

Потенциал его несомненен. о результатах уже можно говорить всерьез. Признавая все это, необходимо, однако, отложить себе отчет в том, что структура политических процессов и отражение ее в мышлении политических деятелей очень сложны. Методы тем III — наука пока что молодая. За достигнутыми результатами просматривается значительная редукция объекта исследования, компьютеры же сами по себе, как известно, никаких проблем не решают. Судяно еще очень мало (необходимо четко осознавать позицию, на которых мы сейчас находимся). Осознание данной ситуации является залогом поступательного развития. в частности развитии, направленного на переход от экспериментальных и практических, политически ориентированным III-системам, на пример, экспертным или обучающим.

Дани, Васильев, 1987
с. И. ТОВАНОВ

ПРИМЕНЕНИЕ «ИВЕНТ-АНАЛИЗА» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одним из важных направлений прикладного информативного анализа политических процессов в буржуазной, прежде всего американской, политической науке на рубеже 60—70-х годов являлась разработка так называемых проектов «ивент-анализа», или «анализа событий»¹. Чрезвычайно широкое распространение исследования этого типа свидетельствует о том, что его возникновение носило скорее закономерный, чем случайный характер, отражая совершенно определенные тенденции развития американской политологии в связи с очевидной научной несостоятельностью тех широкоаксиоматичных теоретических схем на создание которых было обращено ее основное внимание в 60-е годы. А темпы развития исследований по «анализу событий» служат подтверждением того, что западная политическая мысль была готова к восприятию нового подхода как в теоретическом, так и в практическом (прикладном) отношении².

¹ Достаточно подробно характеристика становления указанного направления исследования дана, например, Ф. Берджессом: *Winters P. et al. Indicators of Interpretational Behaviour: an assessment of Events Data Research*. L., 1972.

² Проекты «анализа событий» являются, по мнению многих буржуазных политологов, естественным развитием и дополнением более традиционных индикаторов состояния и процессов, протекающих в межгосударственной системе, например, таких: бюрократические ассимбиоты: так называемые международные сделки (торговля турнами); участие государств в межгосударственной войне (частичность заграничных обязательств и членство в международных организациях) и т. д.

В наиболее общем плане в системе факторов, сыгравших определяющую роль в формировании «ивент-аналитического» подхода как достаточно обособленного исследовательского направления, можно выделить два ведущих компонента:

1. Теоретическое основание. В соответствии с ним «исследование событий» интерпретировалось сторонниками подхода как альтернативный путь к созданию обобщенных теоретических схем международной реальности в противовес доказавшим свою неэффективность детуктивных теориям международно-политических процессов³.

2. Материально-техническое основание. Оно формировалось в результате возросших возможностей использования электронно-вычислительной техники в процессе политологических исследований, без которой оперирование значительными объемами формализованной информации (предусматриваемое процедурой «анализа событий») не представляется возможным.

Если возможности апробации концептуальных построений, представляемые «событийным анализом», привлекали к нему внимание политологов, которые занимались разработкой отдельных аспектов теории международных отношений, то специалисты по прикладным исследованиям предпринимали попытки использовать его для разработки механизмов слежения за функционированием международной системы, создания системы сигналов раннего оповещения о тенденциях развития событий.

Говоря о всей совокупности «событийно-аналитических исследований» как о достаточно обособленном направлением буржуазной политологии со сложившимся в целом понятийным аппаратом, некоторыми общими правилами осуществления исследований, выделяемыми это направление из ряда других прикладных подходов, следует прежде всего иметь в виду высокую степень гетерогенности его составных частей (проектов, разработок), развитый характер центробежных тенденций, которые с течением времени становятся все более ощутимыми. Тем не менее при всем разнообразии исследовательских проектов событийно-аналитического характера они обладают рядом общих черт, способствующих консолидации данного подхода. Общность проблем, стоящих перед специалистами, работающих в его русле, требует от них постоянного ознакомления с результатами исследований своих единомышленников.

Одну из первых наиболее завершенных попыток систематизировать эти проблемы предпринял профессор Э. Азар⁴, объединив

³ Тем не менее обращает на себя внимание факт тесной связи теоретико-концептуальных схем, лежащих в основании различных разновидностей «событийно-аналитического» подхода, с теоретическим арсеналом буржуазного «политологического модернизма». Подробнее см.: *Peterson S. Research on Research: Events Data Studies* // SAGE International Yearbook of Foreign Policy Studies. Beverly Hills: L., 1975. Vol. III. P. 274; *Phillips W. R. The Theoretical Approaches in the Events Data Movement* // *International Interactions*. 1975. Vol. 2, N 1. P. 3—48.

⁴ *Theory and Practice of Events Research*. N. Y., 1975. P. 2—12.

их в две группы: проблемы вытекающие из использования «события» как «единицы анализа»; проблемы агрегирования и анализа событий. Несмотря на известную долю неупорядоченности, которая, бесспорно, присутствует в предложенной им типологии, четкой схеме, на нее определенно следует, что перед «исследовательскими событиями» стоят весьма серьезные, далеко не разрешенные проблемы не только теоретико-концептуального, но и в аналитической степени концептуально-аналитического уровня. Без преодоления их развитие подхода, и это открыто признается даже его наиболее последовательными сторонниками, представляется весьма малоперспективным.

Среди таких проблем особое место занимает определение события — ключевое направление исследований. Наличие ряда если и не взаимоисключающих, то в значительной мере отличающихся интерпретаций определения, является одним из наиболее наглядных признаков незавершенности и несовершенности концептуально-теоретического аппарата «ивент-анализа». В целом под информацией о событиях в западной политологии понимаются сведения о вербальных или физических (прямых или ответных) действиях, которые субъекты международных отношений адресуют своей «внутренней» или «внешней среде». Естественно, что подобная всеобъемлющая трактовка данного понятия, хотя и отпичается предельной широтой охвата понятийного информационного массива, тем не менее скорее запутывает, чем проясняет суть дела. Вель в ней отсутствуют какие бы то ни было ориентиры, способствующие упорядочиванию информации-поисковой работы.

Поиск такого рода ориентиров в условиях неопределенности основных концептуальных установок ведет к диверсификации трактовок и определений, что, в свою очередь, не может не оказывать воздействия на выстраиваемые на этом основании исследовательские схемы и конструкции. Указывая на уже сложившиеся типы представлений о событиях, Э. Азар, Дж. Беннетт и Т. Слоун в одной из статей отмечают: «События — зафиксированная информация о прямых и ответных действиях политических актеров — могут рассматриваться в качестве значимых событий или коммуникаций между нациями, что вытекает из подходов разработанных Карлом Лейтем и Томасом Шеллингом; части сложного потока исторической последовательности, что утверждает некогда мыслителя, представляемая Чарльзом Маккеллантом; актов давления, попыток использования влияния или угроз ему, в соответствии со взглядами Ганса Моргентау...»⁵ Сами авторы в основном склоняются к первому варианту, в соответствии с которым события являются основными средствами субъектов международных отношений для передачи ин-

формации и выражения намерений, в особенности для проявления ими дружелюбия или враждебности.

Выявление коммуникционной функции событий, конечно же, облегчает их выделение из ткани международных отношений. Вместе с тем оно явно недостаточно для формирования комплексных критериев для осуществления поиска и идентификации событий международной жизни. Подчеркивание «нерутинного, экстраординарного» характера событий (т. е. их вторичных, определенных производных признаков), их отражения в средствах массовой информации, является достаточно распространяемым явлением в среде специалистов по «анализу событий», особенно среди последователей Ч. Маклелланда.

Определение события как последствие политического решения, сопровождающегося выделением или расходованием определенного вида ресурсов⁶, способствует наполнению этого понятия конкретным актуальным политическим содержанием.

В непосредственной связи с проблемой определения «события» находится проблема его измерения. На этом направлении, указывает А. Ричман, утвердился два основных подхода: «... (1) категоризация информации о событиях с привлечением номинальной классификационной схемы и (2) придание определенных шкальных значений информации о событиях по одному или нескольким конкретным измерениям»⁷.

Существенное различие между вышеупомянутыми подходами состоит в том, что сторонники «категоризации» (прежде всего «пионер» событийного анализа Ч. Маклелланда) отказываются судить об относительной важности или интенсивности событий и агрегируют информацией, сортируя события по определенным нормативным категориям путем подсчета частотности их появления.

Сторонники «шкалирования», напротив, считают, что события сами по себе неравнозначны и могут быть «взвешены» по отношению друг к другу на основе определенной шкалы или набора шкал. Характерным весьма распространенным примером такого рода шкалы, претендующей на определенную универсальность, является, например, конфликтно-кооперативная ось.

Еще одной областью серьезных расхождений между специалистами по событийному анализу является необходимость учитывать контекст событий. «Некоторые из специалистов — подчеркивает Э. Азар, — считают, что события, во многом подобно восприятию актеров, могут быть достаточно глубоко изучены лишь в соотношении с той средой взаимодействия, в которой они происходят»⁸. Что же касается его самого, то он выражает убеждение: сами по себе события достаточно контекстно насыщены, что является предпосылкой их объективного измерения. В то же время Э. Азар не отрицает в принципе необходимости осуществ-

⁵ Azor E., Bennett J., Sloan Th. «Steps toward Forecasting International In-

teractions in the Papers of the Peace Science Society (International), 1977

Vol. 25, P. 36.

⁶ Describing Foreign Policy Behavior. Beverly Hills, 1982. P. 32.

⁷ Richman A. Issues in the Conceptualization and Measurement of Events Data // International Interactions, 1975, Vol. 2, N 1, P. 25.

⁸ Theory and Practice of Events Research. P. 7.

дения структурного анализа взаимодействия в целях обогащения и углубления исследования внешнеполитического поведения».

Тем не менее, как отмечает А. Ричман, значительное число «исследователей событий» в той или иной форме пытается учитывать контекстные характеристики событийной информации в том числе:

- 1) основные организационно-структурные и процессуальные переменные, которые характеризуют процесс принятия решений, порождающих события (например, типы подразделений, принимающих решения); время, необходимое для их выполнения;
- 2) обстоятельства, в которых первоначально появляются сведения о событии. — например, речь или статья оратора, опубликованное средство массовой информации, непосредственная аудитория, место проведения;
- 3) характер текущих отношений между участниками взаимодействия — например, социальный, нейтральный, враждебный;
- 4) структуру более широкой географической системы, в которой данное конкретное взаимодействие протекает;
- 5) ковенных участников взаимодействия;
- 6) проблемные области или типы используемых ресурсов, например, культурные, дипломатические, экономико-технологические или военные;
- 7) другие события, предшествующие данному конкретному событию или связанные с ним.¹¹

Контекстные особенности анализа конкретных событийных массивов авторы некоторых исследователей проектов пытаются установить путем использования ролевых типов информации: данных о «национальных атрибутах» (так называемый атрибутивный анализ): сведений о коммуникациях и «действиях», или рутинизированных межгосударственных взаимодействиях («анализ следов»); данных о внутриаполитическом доложении государств — участников международного взаимодействия; результатов контент-аналитических исследований; результатов опросов; данных о «поведении» государств в ООН и других международных организациях, и т. д.

Большое внимание исследователи уделяют и совершенствованию процедур формализации информационно-событийного массива, в частности типологизации и кодировке событий, методики сопоставления множественных источников информации.

Общими позициями для практических всех без исключения полевых проектов по «анализу событий», является следующее:

1. Субъекты события:
- а) инициатор(ы) действия;
- б) цели (цели) действия.

¹¹ Eckhardt H., Ator E. *Major World Conventions Events, 1945 to 1975* / *International Interaction*, 1978, Vol. 5, N 3, P. 236.
¹² *Richman A. Op. cit. P. 26.*

2. Характеристики поведения, действия (действий) или отношений;

- а) тип поведения, действия или отношения;
  - б) оценка их интенсивности.
3. Контекстные характеристики события.
  4. Временные характеристики события.
  5. Источники получения информации.

Среди исследователей, занимающихся проблемами «анализа событий», нет единства мнений по вопросу об оптимальном количестве источников получения событийной информации и об их характере. Об этом свидетельствует большая вариативность реализуемых исследовательских проектов с точки зрения их информационной базы (имеется в виду как количество используемых источников информации, так и ее конкретные компоненты). Несмотря на то что целевой характер конкретных проектов оказывает значительное влияние на структуру их информационной базы, круг наиболее широко употребляемых источников весьма ограничен¹¹.

Тем фактом, что упомянутые выше специфические черты данного направления исследований связаны в первую очередь (прямо или косвенно) с основной единицей анализа — «событием», объективно объясняется возможность рассмотрения их на более высоком уровне обобщения. В то же время целый ряд других отличительных свойств более очевиден на уровне конкретных исследований и развития «событийного анализа».

Как исследовательское направление указанный метод прошел в своем развитии два основных этапа. Первый, включивший конец 60-х — начало 70-х годов, был этапом появления первых проектов, таких, как «Исследование мировых событий — взаимодействия» (World Event/Interaction Survey — WEIS) Ч. Макгелланда, Информационный банк по проблемам конфликта и мира (Conflict and Peace Data Bank — COPDAB) Э. Азара, «Измерение государств» (Dimensionality of Nations — DON) Р. Раммеля и некоторых других. В ходе второго этапа, охватывающего период с начала 70-х годов до настоящего времени (для него в основном характерно развитие подхода «вглубь», т. е. совершенствования заложенных в ходе первого этапа концептуальных и процедурных механизмов «анализа событий»), осуществлялась разработка проблем «включения событийно-аналитического компонента» в более широкие модельные конструкции.

Одним из наиболее известных проектов «анализа событий», работы над которым начались в 1968—1969 гг. в Мичиганском университете и продолжаются по настоящее время (но уже в Университете штата Северная Каролина) под руководством

¹¹ Он включает такие газеты, как «The New York Times» («The New York Times Index»), «The Washington Post», «The Times» («The Times Index»), «International Herald Tribune», а также хронологии: «Keating's Systematology Archives», «Facts on File», «Encyclopedia Britannica Yearbook».

Э. Азара является «Информационный банк по проблемам конфликта и мира» (CORDAV). В конце 70-х годов в банке содержится информация о 500 тыс. событий по 135 странам мира за 30-летний период. База источников проекта насчитывала до 70 страниц¹².

Кодировочная схема проекта довольно проста и является в целом типичной для событийно-аналитических исследований.

Закодированные события типологизируются по семи предметным областям: «символические» политические отношения; экономические отношения; военные отношения; культурные и научные отношения; отношения по вопросам окружающей среды и природных ресурсов; «человеческие» отношения (включая демографические и этнические проблемы) и проблемы политического порядка (международные правовые и организационные проблемы).

Одним из ключевых компонентов проекта являются две интервальные шкалы: одна — 15-балльная для международных, другая — 9-балльная для внутриполитических взаимодействий (так называемые шкалы Азара—Слоуна). Они представляют собой квантификацию конфликтно-кооперативного континуума, обеспечивая основные статистические «правила вывода» проекта. В основе их лежит оценка «интенсивности» как каждого отдельного события (т. е. хронологической последовательности фиксированных событий).

Вопрос об обоснованности исходной концептуальной посылки Э. Азара относительно возможности создания универсальной шкалы для оценки характеристик содержания событий продолжает обсуждаться западными политологами, причем в этой дискуссии определенно преобладает критический настрой¹³. Нельзя, однако, не указать на такое несомненное достоинство шкалы Азара—Слоуна, как практический политический язык, который существенно облегчает процедуру отношения событий к определенным «событийным слоям», разграниченным десятилетиями этого шкала.

Характеризуя современный этап развития «анализа событий», следует отметить весьма медленный прогресс его основанных на правлении, который определенно свидетельствует о некотором кризисных явлениях в развитии «событийно-аналитического» подхода, объективно ведущих к его «размыванию». Критический анализ истории становления и развития «интер-анализа» как вполне определенной, специфической исследовательской «идеологии», служил убедительным фактическим подтверждением неосознанности западной политической науки решить целый ряд теоретических методологических и методических проблем даже применительно к тем «уровням анализа» международно-действительности, которые признаются «руководящими политологами хорошо изученными

¹² David E. The Conflict and Peace Data Bank (CORDAV) Project // *Journal of Conflict Resolution* 1980, Mar. Vol. 24, N 1, P. 146.
¹³ Bell D. Political Linguistics and Events Research // *International Relations*, 1979, Vol. 6, N 3, P. 193—208.

Раздел V ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ ЗА РУБЕЖОМ

И. ДЖОРДЖЕВИЧ

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК В ЮГОСЛАВИИ *

Социалистическая революция в Югославии является одним из ярких и своеобразных проявлений мирового революционного процесса. В стране накапливается важный опыт строительства социалистического самоуправляемого общества. Современная политическая наука в Югославии с самого начала вдохновлялась марксистским подходом к исследованиям политических процессов. В пределах своих познавательных возможностей на новом историческом материале она стремится развить марксистский метод анализа политики путем изучения внутренних противоречий общества, оказывающих влияние на возникновение политических форм и на процессы политической жизни как в Югославии, так и в других странах, а также на международном уровне. Югославская политическая наука видит свою диалектическую сущность как научной дисциплины в положении К. Маркса о политике как выражения интересов и телемонии правящего класса и одновременно как об инструменте коллективных интересов, в котором противоречивым образом переплетаются и объединяются тенденции классового угнетения и отчуждения и в то же время освобожденные возможности организованного и объединенного движения человечества к социальной эмансипации в будущем. В этом смысле особое значение для развития политических наук приобретает дальнейшее раскрытие революционной сущности марксистской политической науки, анализ конкретно-исторических условий и путей политической организации и демократического управления рабочего класса как основного социального субъекта в обществе, основанном на общественной собственности и свободном социалистическом объединенном труде.

Для развития политических наук в Югославии характерен

* *Примеч. редкол.* Предлагаемые вниманию читателей статьи известных ученых-политологов Йована Джорджевича и Чеслава Мойсевича дают представление об основных направлениях и тенденциях развития политической мысли в Югославии и Польше. Мнение и оценки, содержащиеся в публикуемых статьях, отражают личную точку зрения авторов и с интересом будут встречены советскими специалистами в области политической теории.